

Иисус и суббота

Иудеохристианские богословы постоянно твердят нам о том, что Иисус ни в коем случае не нарушал Закон Моисея, но и сам якобы соблюдал его неукоснительно, чтобы «исполнить» всё до последней буквы. Непонятно, зачем это было нужно, если в перспективе этого не требовалось. Получается, Церковь пришла к тому, что для Иисуса было непозволительно: Он Тору исполнял, а Церковь её отменила. Этот диссонанс практики и результата, ей противоречащего, почему-то никого не смущает. Чтобы объяснить это несоответствие, просто измышляются теории, которые подтвердить фактически нечем. Сейчас мы посмотрим, как это отразилось на соблюдении субботы.

Суббота — один из важнейших ритуальных элементов еврейской традиции. Её нарушение исключает человека из иудейского культа, а Тора предписывает такого казнить (*Исх 31:14*). Обратим внимание, что данная заповедь запрещает в этот день «делать дело». Как мы знаем из Евангелий, Иисус неоднократно исцелял в субботу больных. Это и расценивалось именно как «дело». Суббота была установлена в память о том, что «Бог почил от всех дел своих», поэтому иудей тоже должен был покоиться каждую субботу. Хотя Иисус возражал: «Отец Мой доньше делает, и Я делаю» (*Ин 5:17*), ревнителей это не убеждало. Да и хотел ли Иисус переубедить оппонентов? Если так, Он сказал бы: «наш Отец», а не «Мой Отец». Косвенно это намекало на то, что Иисус следует *Иному* Отцу, от которого Он научился заповеди. Иисус подтверждает то, что *ваш* (иудейский) отец ничего не делает по субботам, а *мой* делает всегда. Иисус не спорит об *общем* с иудеями Отце, а скорее противопоставляет *своего* иудейскому. «Начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний» (*Лк 13:14*). Итак, всё-таки само деяние нарушало субботу, а именно деяние исцеления. В какой-то мере чудесное исцеление представляет собой *творческий* акт, восстановление повреждённой природы, однако Яхве в субботу перестал творить и созидать.

Конечно же, поступок Иисуса расценивался как нарушение Торы, а не просто как несоблюдение предписаний каких-то «преданий старцев», не имевших твёрдых оснований в Законе. Иисус, очевидно, открыто ниспровергал фундаментальный принцип иудейской религии, потому что ставил под сомнение не только заповедь о субботе, но и, тем самым, миф о прекращении Яхве в седьмой день его деяний. Действуя как человек и исцеляя в субботу, Иисус не подавал благочестивый

пример иудеям, но вводил их в соблазн. Аргумент «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» не имел для них силы, потому что никакое деяние Отца не отменяло правило субботы для всех. Это значит, что общие воззрения иудеев I в. сводились к представлению о том, что Яхве почивал *каждую* субботу от дел творения. Контекст *Быт* 2:2–3 позволяет заключить, что Яхве, начиная с первой субботы, больше не совершал дел творения, потому что дни творения ограничивались только первыми шестью. Из этого логически следует, что исцеления как акты созидания в принципе невозможны (что, впрочем, входит в противоречие с Торой — *Быт* 20:17, *Лев* 14:3; *Чис* 12:13–15; *Втор* 32:39). Когда Иисус утверждает, что «по субботам можно делать добро» (*Мф* 12:12), Он недвусмысленно отвергает сказанное в *Быт* 2:2 о завершении «всех» дел, или же не считает деяния Шестоднева благими.

Однако очень скоро возник вопрос: если ничего нельзя делать по субботам в память об отдыхе Яхве, какой же силой Иисус исцелил, например, слепорождённого? Иудеев очень интересовал сам способ исцеления (*Ин* 9:26), подвох они хотели обнаружить именно здесь. Они уверенно сошлись на мнении, что, поскольку Иисус нарушал субботу *деянием*, он должен считаться грешником (*Ин* 9:24), грешник же не может исцелять. Иудеям ничего не оставалось, как обвинить Иисуса в том, что Он исцелял «силой Веельзевула, князя бесовского». Осуждение усилилось, когда Иисус назвал Сына Человеческого «господином субботы» и «большим Храма» (*Мф* 12:6–8), а это уже вменялось в богохульство, и не на каких-то зыбких мнениях сомнительных авторитетов, а в строгом соответствии с духом и буквой Торы: господин субботы — тот, кто ей может распоряжаться по своему усмотрению и в случае необходимости имеет право отменить; большой Храма — тот, кто способен заменить его. Обе возможности Торой как «вечным законом» исключаются. Тору нельзя переписать под интересы «сынов человеческих». Ссылки на Давида и упавшую в яму овцу (*Мф* 12:3–4, 11) — не более, чем ссылки на действительное нарушение субботнего дня, что не могло считаться нормой (в любом случае исключения не должны становиться правилом); а попытка опровергнуть закон Торы с помощью самой Торы (12:5) принцип соблюдения Торы, включая субботу, не дезавуирует. Сомнительно, что эти ссылки подлинны, а не возникли в качестве попытки редактора выгородить Иисуса от обвинений с позиций того же самого иудаизма.

Почему же иудеи не могли признать, что через Иисуса действовала сила Бога? Ведь это было бы простым решением! — Потому что Тора не дает никаких оснований для того, чтобы допустить такую возможность. Когда в Торе говорится об исцелении кого-либо, эта сила приписывается Яхве, который воздействует на

больного *без посредника*. Показателен пример Елисея, к которому пришёл сириец Нееман ради исцеления от проказы. Перед этим Нееман посетил израильского царя, который ответил ему как типичный ортодоксальный иудей, хорошо знающий Закон: «Разве я Бог, чтобы умерщвлять и оживлять... чтобы я снял с человека проказу его?» (4 Цар 5:7). Когда же Нееман прибыл к Елисею, тот повелел ему просто пойти искупаться в Иордане, чем сильно прогневал Неемана, который сказал на это: «Вот, я думал, что он выйдет, станет и призовет имя Яхве, бога своего, и возложит руку свою на то место и снимет проказу» (4 Цар 5:11). Действительно, Елисей не выступает как посредник в исцелении, исцеляет сам Яхве в иорданской воде. Очевидно, иудеи не возлагали рук на больных, потому что считали, что Яхве не нуждался в посредниках. Однако Иисус это делал неоднократно (Мк 8:23, Лк 13:13). Однажды Иисус отправил слепого омыться в купальне Силоам, но важное отличие состояло в том, что перед этим Он собственноручно помазал глаза больному брением. Вот именно это и было в глазах иудеев недопустимо, потому что ограничивало, по их представлению, могущество Яхве. И в этом случае они имели опору в писаниях.

Итак, Иисусу вменялось уже две недопустимые вещи, противоречащие Торе: нарушение святости субботы и исцеление недозволенными методами. Это делало его шарлатаном и обманщиком, вводящим Израиль в соблазн. Самого Бога в Иисусе иудеи не могли и *не должны* были видеть, потому что это противоречило иудейской теологии, не находя твёрдой почвы в Торе (если не считать сильно натянутых иудеохристианских толкований), но зато было способно погрузить в омут язычества, который кишмя кишел разнообразными «Сынами Божьими» и «Богочеловеками», зачатыми сверхъестественным способом. Посылать такого Спасителя в общество, неспособное воспринять язык боговоплощения, является абсурдом и издевательством над обоими. Бог не добился бы нужного результата, кроме ропота и других негативных последствий. А то, что они случились, свидетельствует лишь в пользу того, что именно таков и был замысел — искоренить израильскую религию. Нужно ли говорить, что подобное «мессианство» иудеями вообще не ожидалось, но привело к полной фрустрации! Но если план не соответствовал ожиданиям, а ожидания результату, значит между Богом и Его так называемым «народом» возникло настолько серьёзное недопонимание, что это ставит под сомнение вообще прагматичность и разумность их взаимоотношений, если не сказать еще больше: промысел в отношении евреев привёл к бессмыслице и краху надежд на спасение и возрождение Израиля в любом качестве. Это тот случай, когда конец убил начало, т. е. завет Авраама и синайское откровение. И если евреи до такой степени ослепли, что не могли понять откровение, значит проблему нужно искать именно в откровении, не способном достичь желаемой цели. Разго-

воры о «новом Израиле» выглядят попыткой уйти от неразрешимой проблемы, потому что Израиль — этническое понятие, для которого не подразумевался некий иной расширительный смысл. Если Иисус говорил о передаче виноградника «другим», это означало по меньшей мере смену этнической ориентации, что привело бы к низвержению всего здания иудаизма, причём с погублением его носителей (Лк 20:16), здания, основанного исключительно на святости *плотского* семени Авраама. Иудаизм — это религия именно еврейского семени, без которого (как и без Храма и обрезания) она полностью обнуляется.

В заключение следует сказать, что «грешники», с которыми слишком тесно общался Иисус и призывал их разделить с Ним грядущее Царство впереди «праведников» (Мф 21:31) — что вызывало большие нарекания у фарисеев — конечно, не были и не могли быть иудеями, недостаточно точно выполняющими предписания Закона Моисеева, это явно были люди, *открыто* его нарушающие, то есть *нечестивые* — нарушающие Тору не просто по незнанию и необразованности, а сознательно и демонстративно её отвергающие. То есть это только такие нарушения, которые исключали из иудаизма вообще. Потому что всё прочее подлежало искуплению посредством принесения жертв в Храме. Таким образом, эти «грешники» были именно теми, кто не соблюдал субботу и подлежал за это умерщвлению. Иисус, разделяя с ними трапезу, касаясь их и игнорируя законы чистоты, открыто плевал в Тору, и именно это раздражало ортодоксов. Но не только субботу. Это были также блудницы, грех которых не искупался жертвами. Одну такую блудницу Иисус спас от расправы фанатиками. Заметим, Он простил её и избавил от смерти без каких-либо условий, даже без покаяния, просто попросив впредь не грешить. Иисус готов был простить *нераскаянных* грешников как бы «под залог». Наверняка среди этого контингента были и другие категории, подлежавшие истреблению — например, ворожеи и вообще необрезанные язычники, враги Израиля, римляне. Следовательно, Иисус не знал ограничений в попрании Торы, и готов был призвать в Царство всех, кому иудейский Закон отказывал в праве на жизнь. За счёт этого число адептов нового харизматического движения быстро росло, когда количество постепенно переходило в качество и начало представлять политическую угрозу «существующему строю». Это был сильнейший аргумент для того, чтобы и самого Иисуса предать казни, потому что, согласно Торе, Его «грех» ничем искупим не был, благо и сам Он не стремился оправдаться за Евангелие Царства, а значит являлся с точки зрения ветхозаветного иудаизма *нечестивым*. Именно с тех пор, как Иисус заговорил о власти над субботой, фарисеи стали думать, как Его предать смерти (Мф 12:14).

L. L. Gyffes